

В. П. СОКОЛОВ

Открытое письмо С. Н. Булгакову*

Дорогой Сергей Николаевич!

С болью, против обыкновения, прочитал я вашу статью о балканских событиях. Мне так дорого и близко ваше жизненное понимание, насколько я его знаю, что я осмеливаюсь просить у вас разъяснений по поводу указанной статьи: мне кажется, что она противоречит и вашим основным воззрениям, и самой природе трактуемых вопросов. Изложенные в ней взгляды вызывают у меня целый ряд недоумений, думаю, не у меня только.

Вы говорите об «идейном содержании балканских событий». Балканские события — война. В этой войне вы видите «столкновение трех идей», точнее — «борьбу креста с полумесяцем», а рядом и с германским «имманентизмом», и атеизмом, ибо славянская идея — вселенское православие.

Мое первое недоумение, как может крест (Христов, разумеется) бороться с кем бы то ни было теми средствами, какими ведется сейчас борьба на Балканах? Я менее всего склонен к толстовскому пониманию христианства, я признаю, что Евангелие требует активного участия христианина в борьбе со злом. Но я не могу понять, каким образом меч оказывается в руке идеолога Евангелия. Есть насилие и насилие. Есть насилие воспитательное, не разрушающее личности насилуемого, и от него не может отказаться человеческая убежденность. Но война —

* С тех пор, как было написано письмо г. Соколова, события на Балканах весьма осложнились и крайне запутались. Вряд ли в этом осложнении можно видеть подтверждение того отвлеченного взгляда на Балкано-турецкую войну, который развил С. Н. Булгаков и перед которым с изумлением останавливается его оппонент. — *Ред.*

зло, и крестовый поход — *nonsens*¹ для верующего сознания. Как можно верующему в Церковь и правду Христову благословлять войну, вкладывая в нее идейный смысл борьбы за веру? «Взявшие меч от меча и погибнут»², и вы как верующий человек должны верить и тому, что в случае необходимости Бог силен «представить более двенадцати легионов ангелов»³. Не пассивный фатализм защищаю я, а невозможность придавать религиозный смысл войне, где все — кровавый ужас истребления, озлобления, мести. Я понимаю, что естественное человеческое чувство не может удержаться от попытки оградить и себя, и близких от страданий и угнетения иноземного и иноверного ига. Но это естественное чувство освящать религиозно нельзя. «Божие — Богу, а кесарево — кесарю»⁴, этот принцип разделения естественной жизни от религиозно освященной здесь применим как нигде. Процесс христианизации в истории не кончен, едва ли можно признать законченной и христианизацию славянских народов. Отсюда — войны, суды, администрация. Воплощенный конечный идеал христианства — анархизм, аномизм⁵ и космополитизм. Национальное разделение — естественный органический факт, и, пока он есть, неизбежно соревнование народов, неизбежно чувство рабства под властью другой нации, стремление к политической самостоятельности. Но Евангелие не может освящать войны. Это неверующему взгляду может представляться риском; на деле история мученичества доказывает, как из трупов мучеников вырастали новые массы верующих... Естественный инстинкт самосохранения не осуждается, но и не возводится в «идейное содержание».

Если стать на вашу точку зрения, то правы наши миссионеры, полицейскими мерами ограждающие Церковь от сектантов и старообрядцев. Тогда почему не применить вашего принципа к внутренним религиозным врагам «Руси православной»? «Русь православная» — не Россия с бурятами, финнами, татарами, а часть славянского племени. Но что бы вы сказали, если бы наши радетели православные объявили войну казанским татарам или башкирам во имя борьбы креста с полумесяцем? Не придется ли тогда освятить и еврейские погромы?

Угнетенное положение славянства ничего не прибавляет к религиозной идее войны. Против угнетения нельзя не бороться. Нельзя не сочувствовать борющимся, *надо благословить* их, но братским, а не евангельским благословением.

Быть может, я не точно понял вас? Быть может, вы не благословляете славян, а только истолковываете смысл данных действительностью фактов? И тогда я не могу согласиться с вашим

комментарием. В чем сказалась религиозная сущность славянского духа, делающая его носителем истинно-христианского вселенского сознания? Насколько я знаком с историей юго-славянских церквей, это — история иерархических смен, административных реформ и т. п. Живого бытия религиозной жизни ни здесь, ни в славянской литературе я не заметил. Не смею характеризовать настроения славян en masse⁶, но не могу не вспомнить, что мои товарищи-славяне по Киевской духовной академии, которых немало присылает туда славянская иерархия как отборных, нужных в будущем для родных церквей деятелей религиозных, — эти славяне совершенно не обнаруживали симптомов национальной религиозной идеологии, какой не чужды были даже мы, питомцы схоластической семинарии, дети кастового духовенства. Я нисколько не хочу порочить славянства, но я решительно не вижу данных, обосновывающих провиденциальное значение славянства, которое вы ему указываете. Вы сами говорите о «преобладающем индифферентизме к религии у нынешних потомков Гуса».

Центр славянства, конечно, Россия. Здесь я опять недоумеваю перед «религиозным гением» русского народа: имеем ли право мы, как славяне и как русские мечтать об особом избрании от Бога быть носителями «истинно вселенского церковного самосознания»? Найдутся ли достойные руки водрузить крест на св. Софии? Этот вопрос затрагивает и ваше отношение к «германской» идее.

Мне кажется, что Германия и славянство — взрослый и ребенок, а вы в их различии видите самое существо, характерный, неизменный признак нации. Славянство юно, очень юно. На заре своих дней и Запад жил Крестовыми походами⁷, был так же связан с религиозным миропониманием, как древняя Русь, из которой черпают основы своих воззрений славянофилы. *Благочестие как настроение* процветает в Германии и теперь. Что же касается до немецкой религиозной мысли, то направление ее далеко не так односторонне, как это представляется вам. Любопытно, что самая идея народности, которая обща у вас с славянофилами, ваша гносеология, антирационализм, — все это made in Germany и оттуда было перенято русскими мыслителями⁸. Рационализма немало и у нас, русских; это — неизбежный момент в развитии верующего духа, и не одни немцы, но все мыслявшие народы, например, греки, прошли через период рационализации веры, скептицизма. Мистика, вселенскость религиозного сознания присущи были, с другой стороны, многим и многим протестантским мыслителям, включая и

Канта, который «расчищал путь вере». В самой основе протестантизма лежит принцип веры; пусть его уродовала схоластика, роль этого принципа такова, что современное настроение протестантской мысли вызывает у меня в сознании образ Спасителя: «Зерно, если не сгниет, не принесет плода»⁹. В последнее время настойчиво проводят параллель между духовным развитием индивидуума и народа. Для индивидуального роста веры гниение — сомнение, рационализм.

Германская культура представляется вам «в глубочайшем и тончайшем смысле культурой антихристианскою». Ну, а мыто, русские православные люди, стоим под стягами Христовыми? Не является ли наша религиозность бездушной материализацией христианства? Наши богословы могли бы у немецких поучиться благоговению и религиозности ученых исследований веры. Народ, поддерживаемый в этом направлении и иереями, и богословами, расценивает религию чисто практически, покупая спасение, а чаще пользуясь религией для своих материальных нужд; мы имеем молитвы на все случаи земной жизни, а таинство Евхаристии спрятали за иконостасом в тайные молитвы священника, да и всю-то религию включили в искусственный, редко для кого понятный обряд. Мне невольно вспоминаются слова преосвященного Иннокентия Переяславского¹⁰ о причине нашей неудачи в японской войне. Он рисует такую безотрадную картину нравственного упадка, которая приводит в ужас даже теперь, которая дала повод иностранным газетам наши восточные города уподобить Содому и Гоморре¹¹. Созвучно с голосом иерарха звучит и ваш голос в статье о выборах в Государственную думу.

Правда, что славянская душа широка и женственно-интуитивна. Но до ношения вселенского христианского сознания отсюда далеко. Наша литература очень религиозна, но христианской назвать ее нельзя. Вы ссылаетесь в доказательство немецкого имманентизма и пантеизма на Дрекса, на научную школу; но это — вершины индивидуального труда мысли. А у нас великий художник, не вмещающийся ни в какие рамки школы по своей глубине и широте, народнейший из народных писателей, Л. Н. Толстой был пантеистом, имманентистом, имперсоналистом. И это настроение особенно ярко сказалось в годы его углубленной думы, когда не могло быть и речи о подражании Западу, когда он ближе стал к народной душе, когда он приник всем сердцем к Евангелию: из Евангелия он почерпнул только имманентизм. А поэт особенно близок к духу народа, его вскормившего.

Наша интеллигенция все еще живет верою в просветительские идеи XVIII в. Религиозно-мистические движения зачинаются на Западе, а у нас, перенятые, только осмысливаются, осознаются. Несомненно теперь, что мы имеем свою самостоятельную литературу и философию. Несомненно, что и та и другая двигаются в направлении религиозном. Но Греция политически так скоро пала после Сократа и Платона! Можем ли мы надеяться на *народный* религиозный гений? Современность говорит о безмерно растущем хулиганстве деревни, о том, что и там, не только в интеллигенции и городе, выбрасывается из жизни все святое, развивается оргия эгоизма, дикости, скотства...

Больно все это, и так хотелось бы великого будущего своему народу, именно внутреннего величия! Но наши мечтания — не рычаг истории. И мы, или иной народ, не славянского происхождения, будет хранить Церковь, вселенское христианское сознание, — не нам знать: «Во Христе Иисусе нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа»¹². Вот, в провиденциальное значение указания в этих словах на скифа мне хочется верить. Хотелось бы верить и в провиденциальное значение своего родного народа! И мне дороги ваши мечты. Но когда я вдумываюсь в них, мне кажется, что вера ваша основывается только на страстном желании, а не на действительности. Или вы имеете иные основания, другого порядка?

